

Л. В. Олейник

УДК 821.161.3.09

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье исследуются социально-этические аспекты современной детской литературы на примере повести белорусского писателя А. Бадака «Одинокий восьмиклассник хочет познакомиться». Анализируются образы героев, композиция произведения и художественные приемы автора. Определяется роль детской литературы как социокультурной практики, способствующей продуктивной социализации и аксиологическому становлению личности.

Ключевые слова: детская литература, социальная проблематика, этика, читательская компетентность, социализация личности.

Образец цитирования: Олейник, Л. В. Социально-этическая функция современной детской литературы / Л. В. Олейник // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 2. – С. 41–49.

L. Aleinik

Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

SOCIAL AND ETHICAL FUNCTION OF MODERN CHILDREN'S LITERATURE

The article examines the socio-ethical aspects of modern children's literature on the example of the Belarusian writer A. Badak "A lonely eighth grader wants to get acquainted". The images of the characters, the composition of the work and the artistic techniques of the author are analyzed. The role of children's literature as a socio-cultural practice contributing to productive socialization and axiological formation of personality is determined.

Keywords: children's literature, social issues, ethics, reader competence, socialization of personality.

For citation: Aleinik L. Social and ethical function of modern children's literature. *Sophia*. 2022;2:41–49. Russian.

Автор:**Лада Викторовна**

Олейник – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории белорусской литературы филологического факультета БГУ.

lada_oleinik@mail.ru

Author:

Lada Aleinik – PhD of Philology, Associate Professor of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, BSU.

На рубеже XX–XXI веков в мировой литературе для детей и юношества произошли существенные изменения. Сегодня очевидно, что искусство слова стремится уже не только к исполнению традиционных образовательных, воспитательных и развлекательных функций, но претендует на роль социального проводника, пытается превентивно подготовить читателя к сложным жизненным ситуациям. Ведущие позиции в мировых литературных рейтингах занимают художественные произведения, тематика которых касается предельно болезненных вопросов современности – детской преступности, алкоголизма и наркомании, насилия и других чрезвычайных явлений реальности.

Для юного читателя, который еще только входит в сложно структурированный социальный мир, книга выступает одним из трансляторов моделей поведения, она обязана расставлять выразительные акценты «можно – нельзя», «достоинство» – «недостаток», «добро» – «зло» и т. д. Обеспокоенность специфической амбивалентностью детской литературы (т. е., литературой, в которой оценочные маркеры принципиально отсутствуют) всё чаще звучит в исследованиях современных ученых. Так, например, В. В. Абраменкова отмечает: «В понимании маленького ребенка категории добра и зла обязаны иметь четкие очертания и границы. <...> Переворачивание требований в утверждении добра или смешение представлений о милосердии, сострадании, которые представляют современные “средства воспитания” – даже новые сказки (где зло творится традиционно добрыми персонажами и наоборот) и игрушки (которые воплощают не “образ идеальной жизни”, а выходцев из преисподней), пагубны для становления не только представлений о добре и зле в детском сознании, но и для личностного и нравственно-духовного развития ребенка» [1, с. 152].

В современной белорусской литературе для детей и юношества немало произведений, в которых рассматриваются острые социальные проблемы. Но, как правило, они не являются ключевыми событиями в произведениях, выступают своеобразным дополнением к сюжету. Главное же, что отличает отечественную детскую литературу, это выразительная маркированность понятий «добра» и «зла», четкая нравственная позиция автора. Примером могут послужить повести Е. Хвалея «Принцесса тусовки», А. Козлова «Дети ночи», А. Федоренко «Афганская шкатулка», В. Гапеева «Ведьмина тоня», многие другие.

Прецедентным произведением является повесть А. Бадака «Одинокий восьмиклассник хочет познакомиться», которая выделяется не только актуальностью проблематики, но и композиционной оригинальностью, философичностью, психологизмом. Важно, что повесть рассчитана на компетентного читателя – способного реконструировать авторский замысел, интерпретировать смыслы, опираясь не только на содержание, но и на формальные элементы текста.

Основным сюжетным событиям повести предшествует своеобразное эссе, исполняющее роль пролога, – рассуждение ведется от первого лица, автор апеллирует к фактам своей биографии, называет имена известных в стране деятелей культуры. Использование таких художественных приемов неслучайно – они придают истории достоверность, убедительность. Обстоятельства, о которых идет речь во вступительном эссе, касаются давнего увлечения автора – коллекционирования шариковых ручек. «Я писатель, и давно понял, что каждому произведению нужен свой, особенный, инструмент. Иногда приходится перепробовать больше дюжины авторучек, чтобы

наконец-то найти подходящую, которую при письме совсем не чувствуешь, словно она – часть твоей руки» [2, с. 4–5]. На первый взгляд такое «лирическое отступление» может показаться неуместным, поскольку далее в произведении разворачивается история юношеской любви. Целесообразность авторского замысла становится понятна позднее, когда основные сюжетные события сопоставляются с логикой вступительных размышлений автора. Это как раз является одной из задач читателя – установить связи между частями текста, интегрировать информацию в контексте собственных знаний, опыта. Потенциал художественной литературы как фактора социализации содержится, кроме всего прочего, в интеллектуальном и эмоциональном сотворчестве с писателем, в глубоком и вдумчивом осмыслении логики автора и его героев.

Последующие перипетии сюжета позволяют осмыслить метафоричность вступительного эссе, понять, что речь шла вовсе не о поиске авторучки. Несомненно, автор образно говорил о своей внутренней неготовности к воспоминаниям. Размышлениями о «причине» невозможности воскресить события прошлого писатель апеллирует к ассоциативному мышлению читателя, к его эмоциональному восприятию.

Возвращение к истории, которая случилась много лет назад, вызвала встреча бывших одноклассников – взрослых людей, собравшихся отпраздновать двадцатилетие своего школьного выпуска. Один из них сам стал учителем, и в его классе накануне произошел неприятный инцидент, в котором педагогу сложно разобраться самостоятельно. Он обращается с просьбой о помощи к писателю, аргументируя, что именно мастеров словесного искусства называют «инженерами человеческих душ».

– Здесь один восьмиклассник хотел учительницу с помощью интернета шантажировать... <...>

– Ого, – рассмеялся я, – шантаж с использованием новейших технологий! Видно, способный мальчик. Возможно, он, когда вырастет, станет знаменитым программистом?!

– Всё не так просто. Учительница написала заявление об увольнении» [2, с. 12–13].

Как признается автор, к этой просьбе он отнесся без особого энтузиазма, но отказать приятелю не смог. «Вместо того, чтобы этим занималась если не милиция, то какая-нибудь комиссия по делам несовершеннолетних, должен буду заниматься я. Смешно, хотя и приятно, что где-то еще рассчитывают на то, что писательское слово может иметь какой-то вес и что-то решать» [2, с. 12–13].

Эпизод, с которого начинается реконструкция прошлого, является первым шагом к пониманию конфликта двадцатилетней давности.

Приехав в городской поселок, где прошло его детство и предстояла встреча с учениками, писатель сталкивается на автобусной остановке со своей школьной учительницей – с той, в которую когда-то был по-детски искренне влюблен. Однако диалог, который состоялся между ними, приводит в замешательство – Танечка, как некогда называли молодую учительницу школьники, повела себя неожиданно.

– Добрый день, – сказал я... <...> – Вы меня узнали?

– Узнала, – сказала она довольно сухо, чтобы стало понятно, что даже через двадцать лет не хочет делать вид, будто ей приятно меня видеть.

– Вероятно, вы на меня тогда сильно обиделись, и не можете простить по сей день...

– Я вас тогда возненавидела.

Казалось, целых двадцать лет она ждала момента, чтобы бросить мне в лицо всего четыре слова. Но я немного ошибся, этого ей было недостаточно. Она отвела взгляд и добавила:

– И я думаю, с того времени мало что изменилось в моем отношении к вам [2, с. 7–8].

Вопросы, которые будут волновать на протяжении сюжета, возникают именно из этого диалога. «Ненависть» – слишком сильное слово, особенно когда оно используется в отношении подростка, по сути – ребенка. За что учительница могла возненавидеть ученика-восьмиклассника? Какой проступок школьника может быть причиной многолетней ненависти? Почему автор-повествователь так долго не мог подступить к художественному осмыслению давней истории? Поиск ответов на эти вопросы становится мощным стимулом для заинтересованного и внимательного чтения.

Главный герой действует в произведении в двух ипостасях. Прежде всего, как отмечалось, автор выступает от собственного имени, приводит реальные факты своей биографии, датирует события точными временными и географическими координатами, чем выразительно подчеркивает автобиографичность истории. Но когда начинает выстраиваться ретроспекция событий юности, на авансцену выходит другой персонаж – Сергей Василевич – о котором речь ведется уже в третьем лице. Этот прием позволяет писателю достигнуть большей объективности в показе событий прошлого, дает возможность посмотреть на историю будто бы глазами постороннего человека, не ангажированного в конфликт.

Знакомство восьмиклассника Сергея Василевича с новой учительницей биологии начинается с досадного недоразумения. Мальчику нравится одноклассница, и чтобы преподнести ей приятный сюрприз, юный романтик тайком пробирается в школьный гардероб и подкладывает в карман куртки девочки горсть конфет. За этим занятием его застает техничка, которая решает, что подросток «шарит по чужим карманам». Когда техничка приводит ученика в кабинет директора школы, его унижение увеличивается еще больше – свидетелем позора становится невероятной красоты девушка. Сергей еще не знает, кто она, что делает в кабинете директора, только растерянно рассматривает. «...Смотрел на нее, смотрел, и вместе с тем не видел, потому что хотел охватить взглядом всю ее – от золотистых волос, которые едва касались плеч, до ног, спрятанных выше колен под белой юбочкой. В кабинете витал аромат духов, которого в их школе никогда ранее не было, иначе он бы обязательно его запомнил. <...> Ему нужно было что-то говорить, оправдываться, но кто-то невидимый схватил его за горло так сильно, что стало тяжело дышать» [2, с. 16]. На следующем уроке директор школы представила ученикам новую учительницу биологии – чудесную девушку, которая так сильно впечатлила восьмиклассника.

Читатель, которому известны объективные обстоятельства ситуации, неуклонно приобщается к переживаниям героя, сочувствует ему. Действительно, положение, в котором оказывается Сергей Василевич, совсем незавидное – подросток несправедливо обвинен, публично унижен, ему досадно, что объяснить настоящую суть дела нет возможности: неловко признаться, что хотел сделать приятный сюрприз девочке-однокласснице. Эмоции и действия мальчика автор отражает очень точно, психологически достоверно. Диапазон переживаний юного героя широкий и сложный: восьмиклассник с первого взгляда влюбился в молоденькую учительницу, он трепещет от непривычного чувства; мальчика донимает стыд, ему очень хочется реабилитироваться

в глазах новой учительницы – убедить, что он не вор, что не такой, как она могла подумать. «На каждый ее урок он приходил старательно подготовленным, но за месяц она ни разу его не вызвала. И когда в одном из октябрьских номеров газеты «Пионер Беларуси» опубликовали целую подборку его стихов, он ухватился за них, как за спасительную соломинку. Едва начался урок биологии, он развернул газету, всячески стараясь привлечь к себе внимание Танечки. Наконец она сделала ему замечание, но через минуту он снова стал шуршать страницами, ожидая, что на этот раз Танечка потребует положить газету на ее стол. И он сделает это с тайной радостью, и положит газету так, чтобы Танечка, бросив на нее взгляд, сразу увидела его фамилию» [2, с. 18].

Очень важно, что в повести убедительно выявлены логика действий и мотивации поступков героев. Принимая или отклоняя определенные варианты поведения, юный читатель приобретает опосредованный жизненный опыт, ценные навыки межличностных взаимоотношений.

Совершенно естественно, что сначала мальчик попытался заслужить расположение учительницы добросовестной подготовкой к урокам. Поведение восьмиклассника абсолютно логично – это поведение вполне социализированного школьника, который отлично усвоил правила и нормы взаимоотношений ученика и педагога. Герой убежден, что его старания будут замечены учительницей, вызовут у нее симпатию, благосклонность. Тем более, если она увидит напечатанные в газете стихи – свидетельство его творческих способностей, определенной успешности. Учительница осознает, что недооценивала своего ученика, и обязательно изменит к нему свое отношение. Однако следующий эпизод повести не только обостряет драматизм истории, но и делает своеобразный акцент на одной из важнейших проблем сюжета.

Двадцатидвухлетняя учительница, вчерашняя студентка, которая только начинает свою профессиональную деятельность, еще не владеет педагогическими навыками, не имеет элементарного жизненного опыта. Девушка лишь осваивает новую для себя социальную роль и следует стереотипам поведения учителя – подчеркнуто сохраняет дистанцию с учениками, педантично излагает материал урока, стремится к установлению строгой дисциплины. Несомненно, опытный педагог понял бы чувства подростка и предпринял бы какие-либо попытки нивелировать проблемную ситуацию. Но молодая учительница реагирует импульсивно и резко – она, «словно боясь передумать, быстро направилась к нему, выхватила из рук газету и со злостью порвала ее на клочки...» [2, с. 18].

Этот эпизод писатель не комментирует – не объясняет, какие чувства вызвала у мальчика агрессия учительницы, как отреагировали на ситуацию одноклассники. И это как раз тот случай, когда объяснения не нужны – именно их отсутствие оставляет читателю пространство для личных выводов, позволяет глубже прочувствовать драму подростка. Подробное освещение конфликта позволяет читателю увидеть образ героя в развитии – понять логику мышления мальчика, эмоциональные состояния. Автор прослеживает, как подросток постепенно изменяется – начинает вести себя всё более вызывающе, отчаянно, почти агрессивно. Его душевное состояние выразительно отражено в эпизоде, когда Сергей случайно находит в телефонном справочнике номер домашнего телефона учительницы.

Он снял трубку и почувствовал, как волнение постепенно погружает его в невесомость. <...> После четырех или пяти гудков на другом конце послышалось короткое:

– Алло! <...>

– Таня, я хочу с тобой познакомиться! Потому что я больше не могу без тебя, не могу каждый день видеть тебя на улице, не находя причины, чтобы подойти и заговорить с тобой! Мне одиноко без тебя! <...> Можешь говорить мне, что хочешь, только не клади трубку. Я и так не решился позвонить тебе целый месяц.

Он не знал, что еще сказать ей, и с ужасом ожидал ее грозного приговора.

Но она рассмеялась и сказала:

– Молодой человек, я, между прочим, замужем [2, с. 23].

Этот разговор доводит героя до состояния острой экзальтации, граничащей с истерией. Подросток переживает целый шквал противоречивых эмоций: с одной стороны он панически боится, что Танечка узнает его голос, узнает о его чувствах, с другой – ему хочется, чтобы именно так и случилось, чтобы она наконец поняла, как сильно он ее любит. Но импульсивный телефонный звонок ничего не изменил – учительница держится с ним по-прежнему холодно и отстраненно. Мальчик оказывается фактически на грани нервного срыва.

Приближаясь к кульминационным событиям, писатель делает еще одно лирическое отступление. Если во вступительном эссе речь шла о поиске шариковой ручки, то в этот раз касается впечатлений от посещения родительского дома. Однако рефлексии автора опять вызывают ряд ассоциаций, образно объясняя, как время меняет оценки событий прошлого. Повествователь «входит в свое прошлое», как в дом, в котором давно не был. Казалось бы, ничего не изменилось – он до мелочей помнит свои поступки, переживания, но с высоты возраста видит всё иначе. Писатель признается, что через годы не узнает себя прежнего, не понимает до конца, чем же так очаровала его тогда молоденькая учительница. В зрелом возрасте он вынужден искать объяснения своей детской одержимости.

Вскоре после того, как школу построили (большую, в три этажа), рядом с ней вырос многоквартирный дом для учителей. Не забыли и о сарайчиках и местах для огородиков. Проходя мимо, мы, школьники, часто видели своих учителей в рабочей одежде, то с ведром в руках, когда они шли кормить свою живность, то с мотыгой или лопатой, когда копались на своем огороде. Не думаю, что только в моем сознании эта картина разрушала образ учителя, в котором было больше возвышенного, чем земного. Кто знает, может и моя любовь к Танечке не была бы на грани сумасшествия, если бы я часто видел ее не только в школе – в красивой, модной одежде, но и возле этого учительского дома – в резиновых сапогах, старой юбке, в платке, завязанном узлом на затылке. Но Танечка была не такая, как остальные мои учителя: жила в городе, откуда до школы нужно было добираться на пригородном автобусе, а потом около километра идти пешком, как раз через нашу деревню, и не имела своего хозяйства [2, с. 25].

Взрослый человек способен достаточно объективно оценивать свои прежние юношеские чувства, действия, рационально объяснять их причинно-следственные связи. Драматичная история влюбленного восьмиклассника убедительно предостерегает читателя от неправомερных и спонтанных поступков, от избыточных эмоций. Это чрезвычайно актуально для аудитории, которой адресована повесть. Совсем неслучайно

в современных научных исследованиях, посвященных психологии подростков, тема первой любви зачастую является ключевой. Ученые утверждают, что первая любовь – очень опасное состояние в жизни юной личности. Это стрессовое состояние, которое почти всегда сопровождается острыми эмоциональными переживаниями. Подростки, как правило, стесняются обсуждать со взрослыми свои чувства, наоборот – чаще скрывают их, старательно вуалируют. Безусловно, нельзя рассчитывать, что литературное произведение гарантированно защитит читателя от сложных жизненных перипетий. Однако книга способна образно продемонстрировать, какие механизмы управляют действиями личности и как возможно их контролировать, сдерживать. Литературовед З. И. Балатукова подчеркивает: «По характеру своего воздействия художественные произведения приближаются к воздействию действительности, а иногда и превосходят ее. Талантливый писатель дает сгусток впечатлений о действительности. Краски изображения бывают настолько ярки, что становятся ощутимы, зримы и вызывают такие сильные эмоции, что читатели или громко смеются, или рыдают над книгой, испытывают гнев или презрение, готовность действовать. Положительные образы служат примером для заимствования, а отрицательные отвращают человека от ложных шагов и ошибок, способствуя тем самым искоренению пороков личности» [3, с. 661].

Кульминация повести состоит из двух эпизодов, между которыми, в соответствии с художественной хронологией, двадцатилетнее расстояние. Первый – это очередная выходка Сергея Василевича. Безразличие учительницы вынуждает восьмиклассника вести себя всё более нагло, вызывая ее. Однажды, прогуливаясь поздним вечером с компанией ровесников, подросток заметил, как в сумерках Танечка спешит на автобусную остановку. Школьники решают пошутить – испугать ее: они с криком выскакивают из зарослей, оглушительно стреляют из «самопала» и разбегаются. После этого случая учительница больше не вернулась в школу. Хулиганская выходка учеников осталась безнаказанной, никто не предъявил им никаких претензий. Однако с интуитивным ощущением чего-то непоправимого главный герой живет всю жизнь. Именно это угнетающее чувство так долго не позволяло автору подступиться к написанию повести о своей первой любви.

Второй эпизод – это разговор рассказчика (взрослого человека, писателя) с бывшей «школьной директрисой», которую он навестил перед «воспитательной беседой» с учениками, приехав в родной поселок. Разговор, естественно, зашел о прошлом и о Танечке.

– Твоя любовь к ней была слишком агрессивной. Она была совсем еще молодой и не знала, как такой агрессии противостоять. К сожалению, этому нельзя научиться в университете, потому что на каждый конкретный случай должен быть отдельный учебник. К тому же она была в том положении, когда покой для женщины не привилегия, а необходимость. Кстати, она повела себя очень достойно, когда после всего, что с ней случилось, не устроила никакого скандала, никуда не пожаловалась, а просто перевелась в другую школу. <...>

– А что с ней случилось? – недоуменно спросил я, чувствуя, как слова песком застревают на языке.

– Разве ты не знаешь? Она была на пятом месяце, когда вечером вы так ее испугали, что от стресса она потеряла ребенка [2, с. 28].

Таким образом, о результате своей «детской шутки» главный герой узнает через двадцать лет – в том возрасте, когда способен объективно осознать непоправимость своего поступка. Казалось бы, тема болезненной первой любви восьмиклассника исчерпана: главному герою стали известны последствия его поведения, причина отношения к нему бывшей учительницы выяснена. Вероятно, на этом эпизоде повесть могла бы завершиться. Однако, как уже отмечалось, в литературе для детей и юношества должны быть очень четко определены этические аспекты, писатель не имеет морального права оставлять в сюжете возможности для разночтений. Если бы завершающим эпизодом произведения стал разговор рассказчика с бывшей «директрисой школы», то нельзя исключить, что многолетняя ненависть учительницы к ученику могла бы быть расценена читателем, как совершенно правомерная, справедливая. Но финал повести по-философски подводит итоги всей истории. Перед встречей с учениками писатель узнает, кем на самом деле является тот ученик, который сфотографировал свою учительницу в неприглядном виде и решил «шантажировать ее с помощью интернета»:

Хотя до начала выступления было еще около часа, я сразу направился в школу, зашел в учительскую, где за столом сидел мой одноклассник Андрей Нестерович, который организовал эту встречу. <...> Андрей встретил меня вопросом:

– Ну что, подумал, как будешь воспитывать юного «папарацци»? <...> Кстати, ты знаешь, чей он сын?

«О Боже, – подумал я, – только этого мне не хватало. Скорее всего, сын какого-нибудь местного чиновника. Теперь понятно, почему им занимается не милиция, а несчастный писатель».

– Это сын Танечки. Ну, помнишь нашу биологичку в восьмом классе? <...> Каждое его слово отзывалось во мне эхом, словно в моей душе в эту минуту было совсем пусто [2, с. 32].

Итак, круг замкнулся. Как выяснилось, собственный сын Танечки совершил подлый поступок в отношении педагога. Вероятно, он также, как некогда Сергей Василевич, пытался что-то доказать своей учительнице, пытался утвердиться в ее глазах. Перед читателем возникает риторический вопрос: как расценит Танечка поступок своего сына – посчитает ли, что ее ребенок заслуживает ненависти педагога?

Безусловно, писатель не дает конкретных и однозначных ответов на вопросы, которые возникают из сюжетных событий, он апеллирует к логическому мышлению читателей, стимулирует к рефлексии и обоснованным выводам. Анализируя поведение героев, читатель не только проникает в суть их проблем, но многое понимает о себе, об ошибочности или справедливости собственных действий, суждений. Это означает, что художественный текст по-своему предостерегает от неправомερных поступков, расширяет представления о социальном поведении, межличностных и общественных отношениях. Повесть А. Бадака способна содействовать освоению общественных норм и ценностей, продуктивной социализации и аксиологическому становлению личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абраменкова, В.* Добро и зло в картине мира современного ребенка / В. Абраменкова // Вестник ПСТГУ: Педагогика. Психология. – 2007. – № 2. – С. 131–154.
2. *Бадак, А.* Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца / А. Бадак. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2008. – 176 с.
3. *Балатукова, З. И.* Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения / З. И. Балатукова // Молодой ученый. – 2015. – № 15 (95). – С. 661–663.